

Может ли торговля способствовать преодолению экономического кризиса?

Опыт Республики Корея, Китая и Японии по формированию региональных соглашений о свободной торговле (ССТ), мегаССТ (Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП) и Транстихоокеанское партнерство (ТТП))¹

С.-Ч. Пак

Пак Санг-Чул – профессор Высшей школы наукоемких технологий и энергетики, Политехнический университет Республики Корея; 2121 Jeongwang-Dong, Siheung-City, Kyonggi-Do, 429–793, Korea; E-mail: scpark@kpu.ac.kr.

Благодаря процессам глобализации начиная с 1990-х годов в мире оформились три крупнейших с точки зрения ВВП и объемов торговли торгово-экономических блока: Европейский союз, Североамериканская зона свободной торговли (НАФТА) и страны Северо-Восточной Азии, которые стали играть определяющую роль в глобальной торгово-экономической системе.

Однако глобальный финансовый кризис 2008 г. привел к изменениям глобального экономического порядка и системы управления. Центры влияния переместились в такие блоки, как «Группа семи», а также включающие страны с развивающейся рыночной экономикой «Группу двадцати» и БРИКС. В условиях глобальных экономических изменений глобальная торговля способствовала быстрому росту мировой экономики на протяжении последних пяти десятилетий. В сфере заключения соглашений о свободной торговле (ССТ) Европейский союз (ЕС) является лидером. ЕС удалось создать наиболее развитую систему региональной экономической интеграции. Единый рынок ЕС стал примером для ряда стран Северо-Восточной Азии, ведущих переговоры о заключении региональных и многосторонних соглашений о свободной торговле, а также участвующих в различных мегаССТ, таких как ВРЭП и ТТП. В результате противоречия в сфере политики и безопасности в регионе Северо-Восточной Азии привели к более серьезному расхождению экономических интересов. Вследствие этого странам Северо-Восточной Азии сложнее выстраивать свою экономическую интеграцию в точном соответствии с примером ЕС.

В статье рассматриваются возможные региональные ССТ между Республикой Корея, Китаем и Японией, которые могут стать основой для процессов региональной экономической интеграции, а также создать удобную платформу для укрепления торговли и дальнейшего стимулирования экономического роста. В статье также рассматриваются экономические интересы трех указанных стран относительно участия в мегаССТ, таких как ВРЭП и ТТП. Автор исследует лучший сценарий участия в многосторонних ССТ и мегаССТ для каждой страны.

Ключевые слова: единый рынок; региональная экономическая интеграция; соглашение о свободной торговле (ССТ); мегаССТ; экономический рост; стратегия в отношении заключения ССТ

Для цитирования: Пак С.-Ч. Может ли торговля способствовать преодолению экономического кризиса? // Вестник международных организаций. 2017. Т. 12. № 2. С. 104–128. DOI: 10.17323/1996-7845-2017-02-104

¹ Работа выполнена при поддержке Национального исследовательского фонда при Правительстве Республики Корея (NRF 2015S1A3A2046684).

Перевод выполнен Е.А. Сафонкиной, научным сотрудником Центра исследований международных институтов Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Статья поступила в редакцию в ноябре 2016 г.

Введение

Процессы глобализации привели к формированию трех крупных торгово-экономических блоков – Европейского союза (ЕС), Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА) и объединений Северо-Восточной Азии в качестве ключевых акторов в глобальной экономической системе и торговле начиная с 1990-х годов. Однако глобальный финансовый кризис 2008 г. создал новый экономический порядок, основывающийся на существовании трех главных блоков: «Группы семи», «Группы двадцати» и объединения развивающихся стран – БРИКС. Кроме того, в 2013 г. Китай инициировал создание новой платформы для сотрудничества в сфере мировой политики и глобальной экономики – «Группы двух» (G2) (совместно с США) [Dicken, 2015; Kirton, 2013; Looney, 2014].

Глобальная торговля способствовала быстрому росту мировой экономики на протяжении последних 50 лет. Однако с момента наступления глобального финансового кризиса темпы роста глобальной торговли замедлились. В 2016 г. рост мировой торговли составил 2,8%, не увеличившись по сравнению с показателем 2015 г. В 2016 г. не наблюдалось роста объема импорта из развитых стран, в то время как спрос на импортируемые товары в развивающихся азиатских странах продолжил расти. Несмотря на растущие объемы импорта в Азии, начиная с 2013 г. темп роста мировой торговли был ниже темпов роста глобальной экономики. Вследствие этого многие страны попытались заключать двусторонние, многосторонние, региональные и мегасоглашения о свободной торговле с целью стимулирования роста торговли и собственных экономик [WTO, 2016; IMF, 2015].

С точки зрения числа заключенных ССТ лидером является Европейский союз, который создал наиболее прогрессивную систему региональной экономической интеграции. Безусловно, основу европейской интеграции составляет европейский единый рынок. В 1986 г. ЕС принял Единый европейский акт (ЕЕА), создавший возможность для принятия дальнейших решений по формированию единого рынка. Единый рынок обеспечивает свободное перемещение людей, товаров, услуг и капитала в Европейской экономической зоне. С момента своего создания в 1993 г. ЕС постоянно находился в процессе изменений с целью соответствия тенденциям развития глобальной экономики, прежде всего повышения значимости сектора услуг. По итогам функционирования на протяжении 20 лет в отношении единого рынка сложилась общая точка зрения, согласно которой он оказывает значительное благоприятное воздействие на темпы экономического роста. Однако также верно и то, что единый рынок не смог достичь цели, поставленной в Докладе Чеккини 1988 г. [European Commission, 2012a; Vetter, 2013].

Кроме того, в 2010 г., сразу после глобального финансового кризиса 2008 г., ЕС столкнулся с кризисом государственного долга, который повлек за собой кризис евро. Спустя более чем 20 лет после подписания Единого европейского акта единый рынок находится под угрозой. Несмотря на нестабильную ситуацию в ЕС, европейский единый рынок стал образцом для Восточноазиатской экономической интеграции, быстро развивавшейся начиная с 1990-х годов. Азиатский финансовый кризис 1997 г. сыграл важную роль в создании рамки экономического и финансового сотрудничества, получившей название Многосторонняя инициатива Чианг Май, которая была запущена в 1998 г. С этого момента развитие региональной торговли и рост объемов прямых иностранных инвестиций (ПИИ) активизировали процессы экономической интеграции в Восточной Азии. Важно отметить, что процессы экономической интеграции в восточноазиатских странах происходили достаточно быстрыми темпами без каких-либо формальных институтов или правовых систем, таких как ЕС или Североамериканская

зона свободной торговли (НАФТА). Исключение составляет лишь Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) [Godement, 2013].

В Восточной Азии можно выделить два ключевых направления экономической интеграции. Первое – это Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), которая создала единый рынок в рамках экономического сообщества, сформированного в 2015 г. Другое направление – институционализация переговоров о заключении соглашения о свободной торговле (ССТ) между Республикой Корея, Китаем и Японией, которые были начаты в ноябре 2012 г. и продолжаются до сих пор. Недавние переговоры между странами АСЕАН+6 и Республикой Корея, Китаем и Японией можно охарактеризовать как новый виток экономической интеграции в Восточной Азии [Szcudlik-Tatar, 2013].

Быстрое развитие экономической интеграции в Восточной Азии может оказать значительное влияние на глобальную экономику. Соглашения о свободной торговле АСЕАН+6 создадут рынок, объединяющий более 3 млрд человек, с совокупным ВВП около 17 трлн долл. США, на который в 2013 г. приходилось 40% мировой торговли. Трехстороннее ССТ между Республикой Корея, Китаем и Японией создаст рынок с населением свыше 1,5 млрд человек, ВВП – 14 трлн долл. США, на который в 2013 г. приходилось 35% мировой торговли [Hibert, Hanlon, 2013; Song, 2013].

В действительности ССТ АСЕАН+6 представляют собой мегаССТ, получившее название Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), переговоры о котором были начаты в мае 2013 г. ВРЭП рассматривается как противовес Соглашению о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП), которое является составляющей политики «поворота» США в Азиатско-Тихоокеанский регион, и было подписано 12 странами-членами в ноябре 2015 г. Это доказывает гипотезу о маневрировании государств между ВРЭП под лидерством Китая и ТТП под руководством США для обеспечения национальных интересов и поиска баланса между двумя супердержавами в регионе. В этих условиях страны региона стремятся извлечь максимальные выгоды от участия в обоих ССТ одновременно. Однако Администрация Д. Трампа приняла решение о выходе из ТТП в январе 2017 г., поэтому ВРЭП может стать единственным мегаССТ в Азиатско-Тихоокеанском регионе, направленным на обеспечение свободной торговли в противовес протекционизму.

В статье анализируются вопросы влияния торговли на темпы экономического роста в Восточной Азии, а также влияние двух мегаССТ на трехсторонние ССТ между Республикой Корея, Китаем и Японией. Наконец, в статье предпринята попытка дать рекомендации об оптимальных способах формирования экономической интеграции в Северо-Восточной Азии.

Теоретические рассуждения

Подход стран Восточной Азии к процессам экономической интеграции отличается от европейской модели. Регионализм в Восточной Азии был обусловлен не внутренними, а внешними факторами. Он характеризуется свободным, неформальным, основанным на консенсусе, без конкретных законодательных обязательств экономическим сотрудничеством, а также отсутствием стремления к политической интеграции и многостороннему сотрудничеству в сфере безопасности. Даже АСЕАН, будучи единственным формализованным институтом в Восточной Азии, ставит в приоритет национальные интересы стран-членов, государственный суверенитет, а также принцип равенства между членами.

В отношении региональной экономической интеграции ЕС применил подход Балассы, включающий пять шагов: соглашение о свободной торговле, таможенный союз, общий рынок, экономический союз и политический союз. В настоящее время ЕС находится на четвертой стадии и стремится к формированию политического союза, несмотря на сохраняющиеся противоречия.

По сравнению с Европой в Восточной Азии не создано каких-либо институциональных механизмов, за исключением АСЕАН. Однако региональная институционализация – не новое явление в Восточной Азии. По сравнению с европейским подходом создания единого института, страны Восточной Азии стремятся к формированию ряда региональных институтов, которые могут эффективно справляться с различными региональными вопросами. По этой причине число многосторонних институтов, между которыми не установлены системные механизмы взаимосвязи, в регионе может увеличиваться. Существуют и другие объяснения подходов стран Восточной Азии к регионализму, согласно которым региональная институционализация в регионе носит случайный характер. Согласно этой точке зрения, институты в Восточной Азии формировались в децентрализованном, противоречивом и ситуативном порядке в отличие от углубляющегося и укрепляющегося регионализма в Европе. Также для восточноазиатского регионализма характерны большая мягкость и неформальность [Pempel, 2010; Zhao, 1998; Katzenstein, 1997].

С другой стороны, вполне возможно, что в последующие десятилетия региональная институционализация в Восточной Азии приобретет эволюционную динамику, поскольку заключение восточноазиатскими странами двусторонних ССТ демонстрирует их возросший интерес к сотрудничеству на институциональной основе. Действительно, большое число двусторонних ССТ, заключенных в 2000-е годы, привело к формированию региональной системы соглашений в Восточной Азии, которая в итоге, очевидно, приведет к региональной институционализации. В настоящий момент семь двусторонних ССТ формируют региональную систему ССТ без какого-либо регионального центра, поскольку взаимосвязанные и наслаивающиеся друг на друга ССТ неизбежно приводят к высоким транзакционным издержкам [Dent, 2003].

Присоединение стран Восточной Азии к существующим в регионе многосторонним институтам, нередко пересекающимся между собой, было обусловлено тем, что страны не смогли создать единый региональный институт, который стал бы основой для региональной интеграции и экономического и политического сотрудничества. Кроме того, региональные институты в Восточной Азии формировались по конкретным сферам без установления систематических взаимосвязей между ними. В результате в Восточной Азии не появился региональный институт, который охватывал бы одновременно вопросы экономики, политики и безопасности [Katzenstein, 2005; Pempel, 2013].

В своем анализе автор исходит из того, что Восточная Азия будет двигаться по пути региональной институционализации, чтобы объяснить процессы региональной экономической интеграции в регионе. Данный подход может помочь более полно объяснить динамичное экономическое развитие Восточной Азии, в отличие от подходов мягкого или неформального регионализма.

Единый рынок ЕС и кризис еврозоны

Преимущества единого рынка ЕС

Несомненно, единый рынок принес значительные выгоды странам – членам ЕС во многих сферах. С экономической точки зрения рынок создал множество возможностей для получения экономических выгод всеми странами-участницами. Во-первых,

единый рынок способствовал снижению прямых издержек благодаря отмене пограничных процедур и национального регулирования. Во-вторых, единый рынок повысил экономию за счет масштабов, тем самым создав возможности для увеличения продаж компаний и расширения их доступа на рынки. В-третьих, из-за снятия трансграничных барьеров возникла жесткая конкуренция. В-четвертых, благодаря возможности свободного перемещения через границы возросло перемещение рабочей силы. Наконец последнее, но не менее важное, произошло снижение затрат на финансовые трансакции в силу либерализации финансовых потоков и усиления финансовой интеграции [Vetter, 2013].

Однако влияние единого рынка на страны различается, да и его влияние в целом также неоднозначно. То есть страны-члены получили не только не равные, но и различающиеся экономические выгоды. Это обусловлено рядом факторов.

Во-первых, интенсивность торговли между странами – членами ЕС варьируется. Экспорт со странами-партнерами по объединению почти для каждой страны – члена ЕС составляет более чем 50% от общего объема экспорта, а в некоторых странах, таких как Нидерланды и Испания, доля экспорта с партнерами по ЕС превышает 70%, хотя их доля стала снижаться начиная с глобального финансового кризиса в 2008 г. и кризиса суверенного долга ЕС 2011 г. (рис. 1).

Во-вторых, ключевую роль играет конкурентоспособность промышленности, основывающаяся на ценовой, такой как удельные трудозатраты, и неценовой, такой как инновационные и технологические преимущества, составляющих.

В-третьих, в одних странах-членах структура экономики создает больше преимуществ, чем в других. Профильные сектора промышленности с эффектом масштаба могут получить выгоды от единого рынка в силу возможностей повышения своей эффективности, в отличие от других секторов.

В-четвертых, размер компании также является важным фактором получения преимуществ от единого рынка, поскольку более крупные компании в целом более экспортно ориентированные, что позволяет им получать больше выгод от торговой либерализации. Кроме того, они находятся в лучших условиях в отношении формирования международных сетей производства в рамках ЕС, что открывает перед ними больше возможностей, чем для небольших компаний.

Наконец, степень либерализации стран-членов влияет на то, какие выгоды они получают. По логике, потребители в странах, где до начала интеграционных процессов наблюдался более высокий уровень протекционизма, могут получить больше выгод, нежели потребители в тех странах, которые уже достигли достаточно высокой степени либерализации.

Экономические выгоды от единого рынка способствуют росту торговли, инвестиционных потоков и созданию рабочих мест. С момента начала функционирования единого рынка в 1992 г. до 2011 г. торговля товарами внутри ЕС возросла с 800 до 2800 млрд евро. В результате в период с 1992 по 2011 г. доля торговли товарами в совокупном ВВП ЕС выросла с 12 до 22%. Следует отметить, что страны – члены ЕС получили значительные возможности влияния, реализуя единую торговую политику. Создание единого рынка на пространстве ЕС привело к повышению открытости рынков стран-членов и тем самым к стимулированию торговли и занятости. Более того, единый рынок укрепил европейские компании. Экспорт ЕС в страны, не входящие в объединение, в период с 1992 по 2011 г. вырос с 500 до 1500 млрд евро. Также произошло увеличение доли экспорта в ВВП ЕС с 8 до 12% в период с 1992 по 2011 г. Наряду с торговлей внутри ЕС поток прямых иностранных инвестиций между странами – членами ЕС значительно повысился: с 64 млрд евро в 1992 г. до 260 млрд евро в 2010 г. Наиболее высокий

показатель ПИИ наблюдался в 2000 г. (свыше 800 млрд евро), он составлял 730 млрд евро накануне экономического спада в 2007 г. Потоки внешних ПИИ снизились с 560 млрд евро в 2007 г. до 140 млрд евро в 2011 г. [European Commission, 2012a].

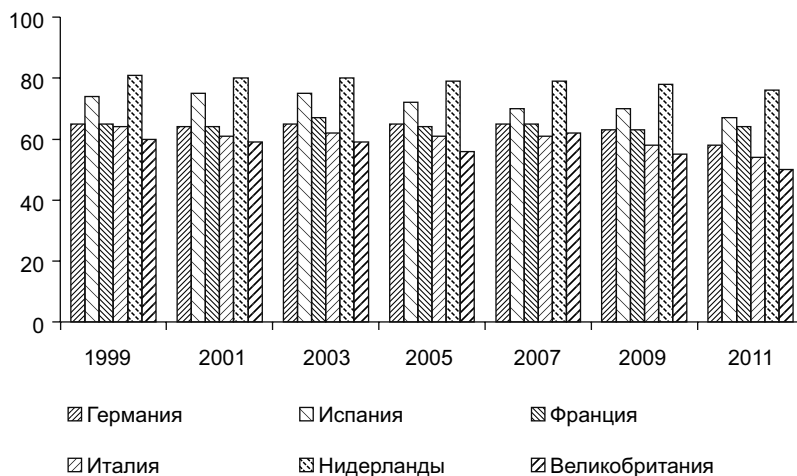

Рис. 1. Экспорт между ключевыми странами-членами как доля от общего объема экспорта, 1999–2011 гг., %

Источник: Eurostat, EU Statistics, 2013.

Издержки европейского единого рынка

Издержки европейского единого рынка обусловлены чрезмерным регулированием, неэффективным бюрократическим управлением и несовершенным распределением задач на административных уровнях федеральной системы ЕС, которые приводят к прямым издержкам для компаний. Кроме того, открытость национальных рынков привела к издержкам регулирования для стран – членов ЕС, компании которых были менее конкурентоспособными, чем компании стран-конкурентов. Стандартизованные системы регулирования в рамках единого рынка упростили национальные процедуры и сделали их необязательными. Безусловно, единый рынок привел к дополнительным бюрократическим и регуляторным издержкам. Однако уровень издержек зависит от эффективности национальных систем администрирования и их адаптации к перемещению компетенций.

По оценкам, в середине 2000-х годов общие административные издержки для компаний, работающих в рамках единого рынка, составляли около 3,5% производства ЕС, однако этот показатель различался для стран-членов. Доля в ряде стран-членов с эффективными системами регулирования, таких как Дания, Финляндия, Великобритания и Швеция, была менее 2% от общего объема производства, в то время как в большинстве стран Южной и Восточной Европы она составляла более 4%. С целью поддержки наименее конкурентоспособных стран-членов и регионов, чтобы смягчить негативные последствия либерализации в рамках единого рынка, в 1993 г. был создан Фонд сплочения ЕС. Однако согласно данным эмпирических исследований, эта политика не привела к стимулированию экономического роста [Koh, 2005; Vetter, 2013] (табл. 1).

Таблица 1. Административные издержки стран-членов как доля от ВВП, 2005 г., %

Австрия	4,6	Ирландия	2,4
Бельгия и Люксембург	2,8	Италия	4,6
Чехия	3,3	Нидерланды	3,7
Германия	3,7	Польша	5,0
Дания	1,9	Португалия	4,6
Испания	4,6	Балтийские страны, Мальта и Кипр	6,8
Финляндия	1,5	Венгрия	6,8
Франция	3,7	Греция	6,8
Великобритания	1,5	Словакия	4,6
Словения	4,1	Швеция	1,5
ЕС	3,5		

Источник: основано на [Кох, 2005].

Кроме административных издержек, к дополнительным затратам в ЕС привели правила на локальных рынках, местное регулирование, нехватка инфраструктуры, субсидии, языковые и локальные барьеры, а также недостаток информации между игроками на рынке. В силу этих затрат большинство компаний в ЕС не могут активно работать на внешних рынках. Это свидетельствует о том, что интеграция в рамках единого рынка все еще не соответствует необходимым стандартам [Mayer, Ottaviano, 2007; Pelkmans, 2012].

Анализ затрат и выгод показывает, что влияние единого рынка на ВВП более чем умеренное по сравнению с прогнозом доклада Чеккини. Комплексное исследование, охватывающее период с 1958 по 2005 г., проведенное Страатхофом и другими экспертами, показывает, что европейская интеграция привела к росту ВВП лишь на 2–3%. Согласно данным доклада Европейской комиссии, подготовленного командой Илковица, в период с 1992 по 2006 г. единый рынок привел к увеличению ВВП на 2,2%. Похожие оценки представлены и в недавнем докладе Европейской комиссии о последствиях глобального финансового кризиса и кризиса суверенного долга (2012 г.), согласно данным которого европейская интеграция способствовала росту ВВП на 2,13%. По оценке Copenhagen Economics 2012 г., меры единого рынка в сфере налогов, услуг, госзакупок и взаимного признания норм и стандартов способствовали увеличению ВВП на 2,4%. Однако 1/3 этого показателя не была реализована в силу имплементации субстандартных требований [Straathof et al., 2008; Ilkovitz et al., 2007; European Commission, 2012a; Copenhagen Economics, 2012].

Кризис евро, вызванный кризисом суверенного долга, сделал возможным отказ от единой валюты, что привело к макроэкономической дестабилизации не только в рамках единого рынка, но и на глобальных рынках. Кризис евро способствовал распространению негативных оценок европейской интеграции не только в ЕС, но и в остальном мире. Восточноазиатские страны выражали восхищение мирным процессом европейской интеграции и рассматривали эту модель как образец для интеграции в регионе. Однако кризис евро изменил точку зрения восточноазиатских стран на процессы европейской интеграции. В том случае, если европейский рынок «даст трещину», вряд ли можно ожидать, что страны Восточной Азии будут следовать европейской модели.

Экономическое сотрудничество в Северо-Восточной Азии

Предпосылки

В регионе Северо-Восточной Азии в последние годы резко выросла роль КНР, которая в 2010 г. стала второй крупнейшей экономикой мира. ВВП КНР в 2015 г. составлял 67,67 трлн юаней (10,86 трлн долл. США), что в 2 раза больше показателя ВВП Японии и почти в 8 раз больше показателя ВВП Республики Корея в том же году. Укрепление КНР как экономической державы привело к активизации и расширению экономической интеграции в Восточной Азии в целом и в Северо-Восточной Азии в частности. Китай потеснил Японию в качестве страны – лидера региона в силу того, что экономическая зависимость восточноазиатских стран от Китая после глобального финансового кризиса резко возросла [China NBS, 2016; ADB, 2014].

Экономическая интеграция в Восточной Азии продолжала развиваться, несмотря на то, что не был сформирован специальный институт, как, например, европейский единый рынок. Страны Северо-Восточной Азии – Республика Корея, КНР и Япония – дополняли друг друга на локальных, региональных и глобальных рынках, а заключение двусторонних ССТ способствовало развитию сотрудничества между ними. Так, в 2015 г. было заключено ССТ между Кореей и Китаем, а в 2013 г. начаты переговоры о трехстороннем ССТ между данными странами.

Двусторонние ССТ между Республикой Корея, КНР, Кореей и Японией

Торговые потоки в рамках ССТ, заключенного между Республикой Корея и Китаем в 2015 г., составляют почти 300 млрд долл. США. С точки зрения объемов и стоимости торговли данное соглашение является наиболее значительным среди всех заключенных Кореей с начала XXI в. Однако ССТ между Кореей и Китаем не считается наилучшим образцом ССТ с точки зрения либерализации и обязательств торговой и инвестиционной политики, поскольку обе страны согласились поступательно проводить торговую либерализацию в течение 20 лет. В то же время страны приняли значительные исключения применительно к базовым тарифным реформам и отложили переговоры по доступу на рынок услуг и инвестиций на несколько лет. В результате представители бизнеса и эксперты в сфере торговли не были удовлетворены результатами заключения данного ССТ, которое в настоящий момент требует пересмотра в силу начатых в конце десятилетия переговоров в отношении инвестиций и услуг [Schott et al., 2015].

Соглашение стало результатом стратегической торговой политики обеих стран. В 2000 г. США занимали первое место среди торговых партнеров Республики Корея, второе и третье места занимали Япония и ЕС. Однако в 2004 г. данное соотношение изменилось, и Китай занял первое место среди торговых партнеров Кореи. В период с 2000 по 2014 г. показатель глобальной торговли Кореи вырос с 333 млрд до 1,1 трлн долл. США, а торговля между Кореей и Китаем возросла с 31,2 до 235,4 млрд долл. США в тот же период. В результате доля КНР в торговле товарами Кореи выросла с 9 до 21%. Китай стал ключевым партнером Кореи с точки зрения импорта и экспорта товаров. Несмотря на столь быстрое увеличение объемов двусторонней торговли, доля КНР в глобальной торговле Кореи не изменялась на протяжении последних восьми лет. В этой связи для Кореи было оправдано продвижение ССТ для восстановления динамики предыдущего десятилетия (рис. 2).

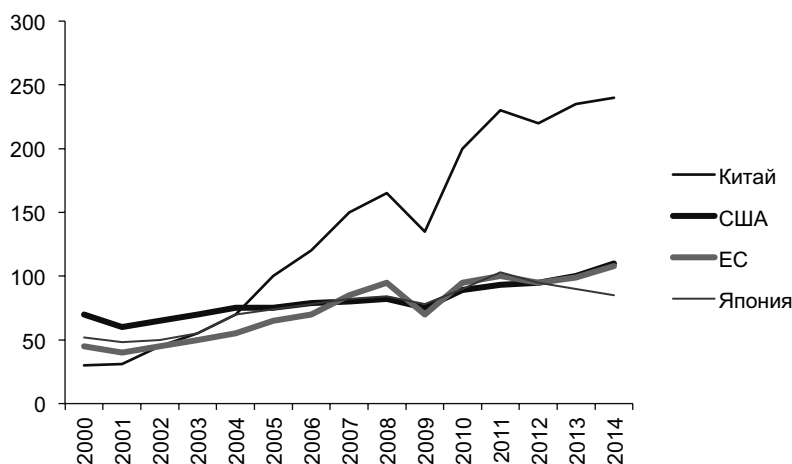

Рис. 2. Торговля товарами между Республикой Корея и ключевыми странами-партнерами, 2000–2014 гг., млрд долл. США

Источник: UN Comtrade via World Bank, World Integrated Trade Solutions (WITS) database, 2001–2015.

По сравнению с торговлей товарами уровень торговли услугами между Республикой Корея и Китаем был еще ниже, однако на протяжении последних 20 лет наблюдается его быстрый рост. Совокупный объем двусторонней торговли услугами в период с 2000 по 2014 г. увеличился с 4,6 до 34,1 млрд долл. США, или в среднем на 17% ежегодно. Доля КНР в экспорте услуг Кореи увеличилась с 7 до 16% за тот же период. Что касается торговли услугами, США по-прежнему остается ключевым партнером Кореи. Доля США в общем объеме торговли услугами Кореи составляет 21%.

Однако стоит отметить, что ежегодный прирост экспорта услуг Кореи в Китай составлял в среднем 21%, в то время как в США – всего 5% в период с 2000 по 2014 г. (рис. 3).

Прямые иностранные инвестиции являются одной из ключевых составляющих для наращивания двусторонней торговли. ПИИ в обеих странах до сих пор преимущественно направлены в производство и ограничены в секторе услуг. В период с 2005 по 2014 г. поток ПИИ в Корею вырос практически в 2 раза: с 514 до 998 млрд долл. США. Наряду с этим в тот же период доля Китая выросла более чем в 3 раза: с 1,4 до 4,4%. С 2005 по 2014 г. объем исходящих ПИИ увеличился более чем в 4 раза: с 160 до 717 млрд долл. США, а объем ПИИ Кореи в Китай вырос почти в 7 раз: с 20 до 132 млрд долл. США за последнее десятилетие. Большая часть корейских ПИИ в Китае направлялась в сектор автомобильной промышленности и информационных технологий. В последнее время инвестиции также стали направляться в сектор потребительских товаров для удовлетворения растущего внутреннего спроса, вызванного изменениями политики китайского правительства [КИТА, 2014] (табл. 2).

Ключевым приоритетом для Кореи в рамках двустороннего ССТ с Китаем является либерализация инвестиций, поскольку объем исходящих ПИИ в Китай в последние годы резко возрос. В то же время Корея ищет возможности применения собственного сектора услуг на китайском рынке. После заключения инвестиционного соглашения с Новой Зеландией в 2008 г., которое способствовало пересмотру обязательств Китая в сфере либерализации, инвестиционная составляющая ССТ Китая значительно улуч-

шилась. После этого в 2012 г. были подписаны двусторонние соглашения в области инвестиций между Китаем и Канадой, и между Китаем, Кореей и Японией (вступило в силу с 2014 г.), что способствовало дальнейшему прогрессу политики Китая в сфере либерализации [Schott, Cimino, 2015].

Рис. 3. Торговля услугами между Республикой Корея, КНР и США, 2000–2014 гг., млрд долл. США

Источник: Bank of Korea, Economic Statistics System, 2001–2015.

Таблица 2. Входящие и исходящие ПИИ между Республикой Корея и КНР, 2005–2014 гг.

Год	Исходящие накопленные ПИИ Кореи			Входящие накопленные ПИИ Кореи		
	В мире	КНР	% от общего объема ПИИ за рубежом	В мире	КНР	% от общего объема ПИИ за рубежом
	млрд долл. США	млрд долл. США		млрд долл. США	млрд долл. США	
2005	160	20	12,3	514	7	1,4
2006	228	26	11,3	622	11	1,8
2007	333	58	17,3	782	14	1,8
2008	336	46	13,6	607	6	1
2009	360	56	15,5	730	10	1,3
2010	406	64	15,8	828	18	2,1
2011	453	74	16,3	841	23	2,7
2012	534	80	14,9	955	29	3,1
2013	621	109	17,5	1 005	36	3,6
2014	727	132	18,5	998	44	4,4

Источник: Bank of Korea, Economic Statistics System, 2006–2015.

Через два года после вступления соглашения в силу между Республикой Корея и КНР запланированы переговоры о доступе на рынок для инвестиций. Подобная двух-

летняя отсрочка может способствовать эффективной реализации ССТ, а также сыграть благоприятную роль для Кореи, учитывая давление на Китай со стороны США в отношении открытия для ПИИ дополнительных секторов в рамках продолжающихся переговоров о заключении инвестиционного соглашения между двумя странами. Благодаря соглашению расширились возможности для инвестиций, а также были усовершенствованы минимальные стандарты для подобных соглашений по сравнению с соглашениями Корея – Китай и Китай – Корея – Япония.

Переговоры о заключении двустороннего ССТ между Республикой Корея и Японией были начаты в декабре 2003 г. и продолжаются до сих пор. В 2004 г. после 6-го раунда переговоры были приостановлены из-за отсутствия консенсуса в отношении либерализации сельскохозяйственного и промышленного секторов. Кроме того, существует ряд нерешенных политических и исторических вопросов. Республика Корея и Япония обладают сходной структурой и характеристиками торговли и промышленного сектора. В то же время Япония является одним из крупнейших торговых партнеров Кореи. Однако Корея не стремится к обсуждению двустороннего ССТ с Японией из-за ее автомобильной промышленности, в то время как Япония опасается открытия своего сельскохозяйственного сектора [Hong, Oh, 2013].

Трехстороннее ССТ между Республикой Корея, Китаем и Японией

В 1990-е годы многие страны стали проявлять интерес к региональным торговым соглашениям из-за медленного прогресса рыночной либерализации в рамках Всемирной торговой организации (ВТО). В этих условиях глобальная тенденция формирования двусторонних соглашений о свободной торговле начала оказывать значительное влияние на торговую политику стран Северо-Восточной Азии. Республика Корея, КНР и Япония с конца 1990-х годов также изменили свои подходы к торговой политике и стали заключать двусторонние ССТ с ключевыми торговыми партнерами в Азии. Начиная с 2010 г. страны приступили к формированию мегаССТ, таких как ВРЭП и ТТП [Yoshimatsu, 2014].

В действительности Республика Корея, КНР и Япония обладают высокой степенью взаимосвязанности торговли в силу схожести структур экономики и промышленности. Вследствие этого формирование трехстороннего ССТ рассматривалось как инструмент для извлечения значительных экономических выгод для всех сторон. В результате в 2003 г. представители исследовательских институтов трех стран приступили к проведению совместного исследования относительно перспектив трехстороннего ССТ. Тем не менее прошло семь лет с момента проведения неформального исследования до начала официальной проработки вопроса в 2010 г., а официальные переговоры были начаты в 2012 г. Стоит отметить, что переговоры о трехстороннем ССТ все еще ведутся.

Заключение трехстороннего ССТ окажет значительное воздействие на региональную торговлю, темпы экономического роста и структуру промышленности как в трех странах, так и на глобальную торговлю и темпы экономического роста в мире в целом. В то же время соглашение заложит основу для формирования зоны свободной торговли в Северо-Восточной Азии. Трехстороннее ССТ или двусторонние ССТ между тремя странами внесут важный вклад в формирование позиций в отношении региональной экономической интеграции и в ее систему [Jin et al., 2006; Kimura, Ando, 2008; Choi, 2013; Madhur, 2013].

Экономики Республики Корея, Китая и Японии играют важнейшую роль в экономическом развитии азиатского региона. Все страны являются членами «Группы двадцати». В связи с этим любые потенциальные сдвиги или дестабилизация в этих стра-

нах могут оказать серьезное негативное воздействие на регион и мировую экономику в целом. По прогнозам, совокупный ВВП трех рассматриваемых экономик в 2019 г. составит 23 трлн долл. США, что позволит им обогнать ЕС и США. Более того, их вклад в мировой ВВП в том же году составит 23% [IMF, 2014] (рис. 4, 5).

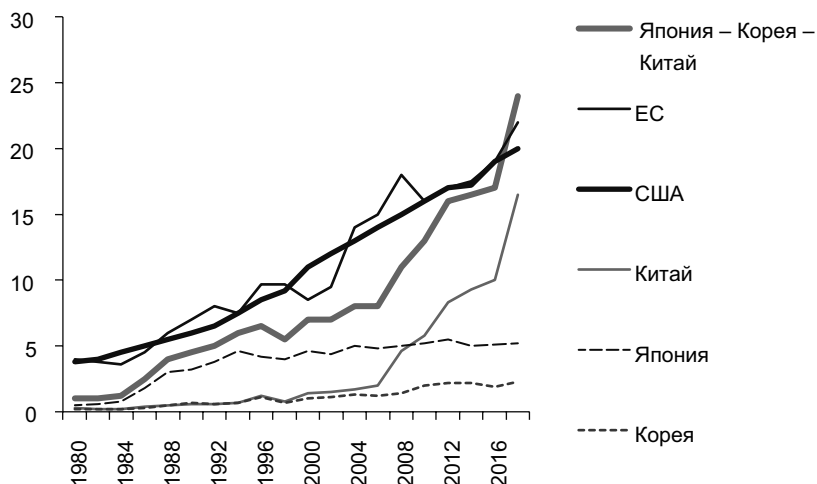

Рис. 4. Тенденции роста ВВП в ключевых экономиках мира, в текущих ценах, трлн долл. США

Источник: IMF, World Economic Database, 2014.

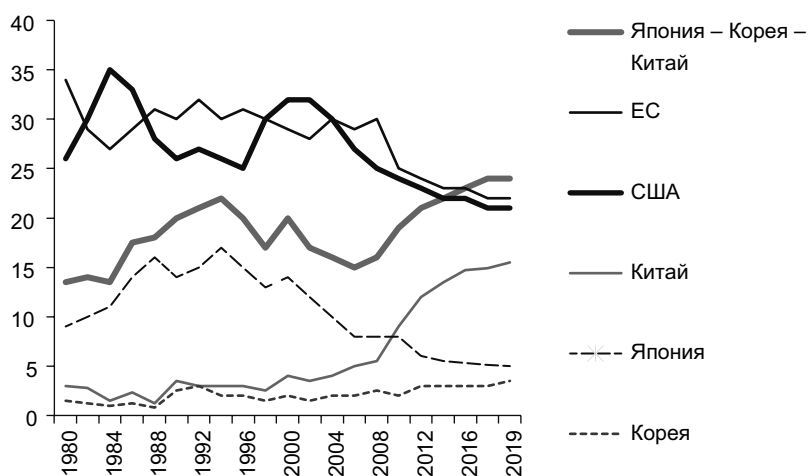

Рис. 5. Вклад в мировой ВВП, в текущих ценах based on Current Prices, 1980–2019 гг., %

Источник: IMF, World Economic Database, 2014.

Формирование трехстороннего ССТ было обусловлено не только экономическими, но и политическими соображениями, поскольку долгое время три страны были

вовлечены в исторические и территориальные споры. В то же время экономические и торговые условия в Азиатско-Тихоокеанском регионе были достаточно запутанными в силу пересечения друг с другом различных инициатив, направленных на либерализацию торговли. В этих условиях естественно изменение подходов Кореи, Китая и Японии в целях формирования трехстороннего ССТ [Chiang, 2013; 2014].

Для того чтобы оценить возможности формирования трехстороннего ССТ между Республикой Корея, Китаем и Японией, целесообразно проанализировать показатели торговли между этими странами на протяжении последних двух десятилетий. В целом доля торговли между указанными странами в общем объеме их торговли выросла с 12,3 до 19,1% в 2014 г. Максимальный пик наблюдался в 2004 г., когда доля составила 24,1%, с этого момента наблюдалось ее снижение до 19,1%. За последние 20 лет торговля между Республикой Корея, Китаем и Японией укрепилась. Однако ее объемы за указанный период все же значительно ниже, чем в других торговых блоках, таких как АСЕАН, ЕС и НАФТА [IMF, 2015] (рис. 6).

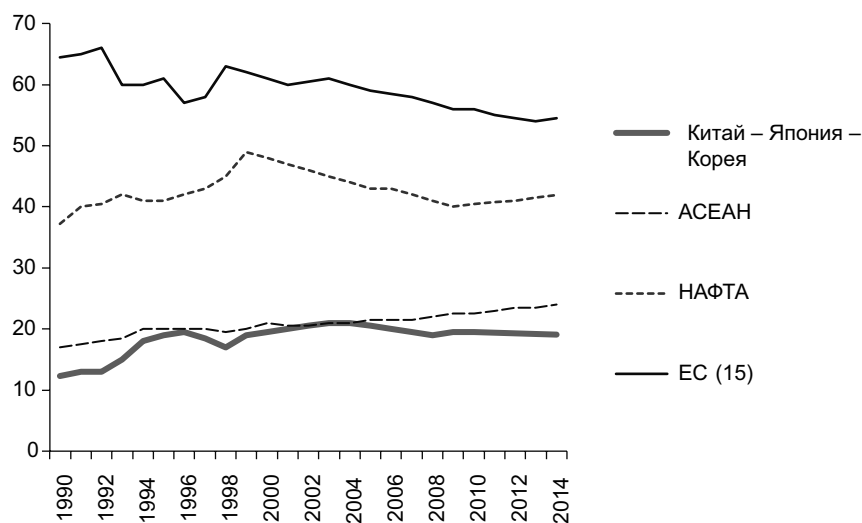

Рис. 6. Сравнение показателей торговли в крупнейших торговых блоках, %

Источник: IMF, Direction of Trade Statistics, 2015.

Доля торговли со странами-партнерами в общем объеме торговли является хорошим показателем для сравнения с другими региональными торговыми блоками. Однако она может привести к неправильным оценкам уровня экономической интеграции, поскольку для более крупного блока характерны более высокие показатели внутренней торговли в силу объема рынка. В этой связи необходимо изучить интенсивность торговли внутри блока, что требует более глубокого анализа, нежели оценка доли торговли с партнерами. Индекс интенсивности торговли внутри блока можно подсчитать, разделив долю торговли внутри блока на показатель доли региона в мировой торговле. Если получившийся результат больше единицы, то можно говорить о том, что страны региона сфокусированы на развитии торговли внутри региона [Lee, 2015].

Индекс интенсивности торговли между Республикой Корея, Китаем и Японией увеличился с 1,08 в 1990 г. до 1,74 в 2003 г. В 2014 г. наблюдалось его падение до 1,03. Это означает, что до 2003 г. интенсивность торговли между указанными странами нарастала,

а затем начала снижаться. Наконец, в 2014 г. почти не наблюдалось стремления трех стран к развитию торговли в рамках данного блока. Показатель интенсивности был ниже, чем в 1990 г. Кроме того, показатель интенсивности торговли между тремя странами был значительно ниже, чем внутри АСЕАН, ЕС и НАФТА за указанный период, за небольшим исключением в 2001–2004 гг., когда он немного превышал показатель ЕС [IMF, 2015] (рис. 7).

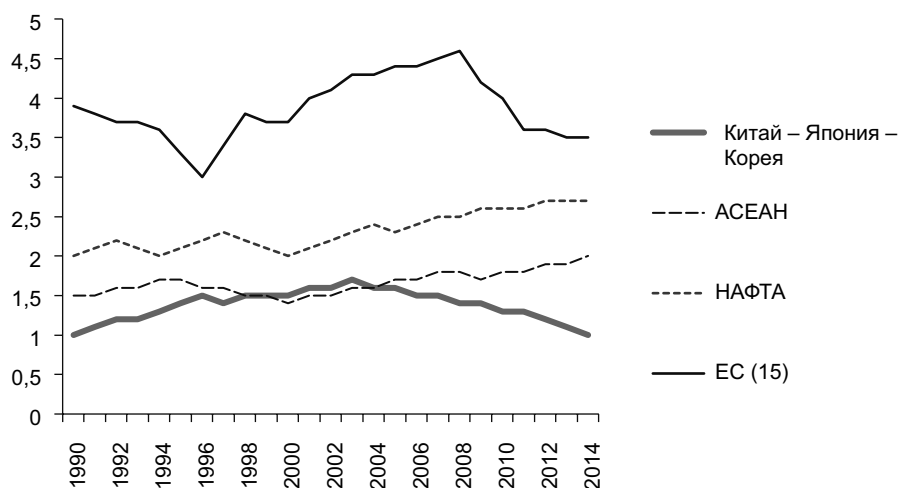

Рис. 7. Сравнение интенсивности торговли в рамках крупнейших торговых блоков

Источник: IMF, Direction of Trade Statistics, 2015.

Первый раунд переговоров между Республикой Корея, Китаем и Японией о заключении ССТ был начат в Сеуле в 2013 г. С этого момента по 2015 г. состоялось восемь раундов переговоров. Переговоры включают встречи на рабочем уровне и встречи делегатов высокого уровня. С момента запуска переговоров в 2013 г. они не привели к ожидаемому результату, хотя определенный прогресс был достигнут. Стороны не достигли консенсуса в отношении торговли товарами, однако выработали общий подход по отказу от обсуждения инвестиционных вопросов. Кроме того, стороны достигли определенного прогресса в отношении прав интеллектуальной собственности, конкурентной политики и правил происхождения [Lee, 2015].

Медленный прогресс в переговорах о заключении трехстороннего ССТ преимущественно обусловлен нехваткой лидерства и слабыми стимулами для стран-участниц. Справедливо будет отметить, что Корея и Китай сконцентрировались на переговорах о двустороннем ССТ, в то время как Япония – на переговорах по ТТП. 2015 г. знаменовал завершение как двусторонних переговоров между Кореей и Китаем, так и переговоров по ТТП, в то время как переговорный процесс о трехстороннем ССТ продолжался. Также следует отметить серьезное ухудшение политических взаимоотношений между Кореей и Японией и Китаем и Японией с момента начала переговоров о трехстороннем ССТ, несмотря на возобновление трехсторонних саммитов в 2015 г. В целом позиции стран в отношении формирования трехстороннего ССТ различаются. Стратегия Китая направлена на борьбу с распространением влияния США в Восточной Азии, в то время как Япония сфокусирована на участии в ТТП в противовес доминированию Китая в регионе за счет тесных политических контактов с США. Стратегия Кореи направлена

на получение максимальных экономических выгод за счет участия в трехстороннем и мераССТ [Lee, 2015; Yoshimatsu, 2014].

МегаССТ и сотрудничество в Северо-Восточной Азии

Предпосылки

Экономики Азии играют жизненно важную роль как друг для друга, так и для мира в целом. В 2013 г. объем производства в Азии был практически равен объему производства в Европе и Северной Америке. К 2020 г. совокупный объем производства азиатских стран будет вдвое превышать объем производства европейских стран и стран Северной Америки по паритету покупательной способности. Более того, темпы восстановления экономического роста в двух крупнейших экономиках – США и ЕС – достаточно медленные (1–2,5 в год), в то время как темпы экономического роста азиатских стран с переходной экономикой, таких как Китай и Индия, составляют около 7% в год. В результате центр восстановления глобальной экономики переместился из Европы и Северной Америки в Азию. С учетом этих факторов в Азиатско-Тихоокеанском регионе сформировались два различных направления торговой либерализации. Первое представляет собой инициативу АСЕАН – ВРЭП, де-факто под лидерством Китая, второе – ТТП под руководством США. Данные инициативы обсуждались на саммите АСЕАН в ноябре 2012 г.

Причиной для обсуждения двух данных мегасоглашений на саммите АСЕАН стала задержка реализации Дохийского раунда переговоров ВТО на многостороннем уровне, и тот факт, что двусторонние ССТ уже не обеспечивали существенных дополнительных выгод для частного сектора стран – членов АСЕАН. Среди азиатских стран стала распространяться точка зрения, что мегасоглашения с небольшим числом участников, такие как ВРЭП и ТТП, могут представлять собой следующее поколение либерализации торговли. Страны стали рассматривать данные соглашения как удобные и гибкие инициативы, которые могут быть использованы в национальных интересах. Два указанных мегасоглашения имеют относительно схожие цели торговой либерализации и экономической интеграции. Однако вместе с тем различия между этими блоками также значительны [Basu Das, 2013].

Два мегаССТ обычно рассматриваются как противостояние между США и Китаем, стремящимися расширить свое экономическое и политическое влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе. И ВРЭП, и ТТП могут способствовать восстановлению темпов экономического роста, замедлившихся как в АТР в целом, так и в Северо-Восточной Азии, в частности за счет продвижения торговой либерализации и экономической интеграции. Работа по стимулированию международной торговли и инвестиций, а также укреплению многосторонней торговой системы была одобрена лидерами «Группы двадцати» на саммите в Ханчжоу в ходе председательства Китая в 2016 г.²

Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП)

В течение нескольких лет продолжалось обсуждение целесообразности и возможности экономического сотрудничества в Азии, восточноазиатские страны под руководством стран АСЕАН приняли решение о создании ВРЭП. К переговорам по ВРЭП присоединились 10 стран – членов АСЕАН и шесть стран-партнеров, а именно: Респуб-

² G 20 Leaders' Communique Hangzhou Summit. Режим доступа: http://www.g20.org/English/Dynamic/201609/t20160906_3396.html (дата обращения: 07.10.2016).

лика Корея, Китай, Япония, Индия, Австралия и Новая Зеландия. Переговоры были начаты в 2013 г.

В отличие от Европы или США страны Восточной Азии не создали ССТ, которое охватывало бы весь регион, что было обусловлено различиями в подходах. Процесс согласования ВРЭП продолжался достаточно долго. Для того чтобы преодолеть последствия азиатского финансового кризиса 1997 г., страны Восточной Азии стали наращивать региональное экономическое сотрудничество. В 1998 г. состоялся первый саммит АСЕАН+3 (Республика Корея, Китай и Япония). В ходе саммита Корея предложила создать Группу видения будущего Восточной Азии для выработки коллективных подходов к преодолению экономических и финансовых проблем в регионе. В 2009 г. Экспертная группа выработала идею Восточноазиатской зоны свободной торговли (ЕАФТА) [Urata, 2013; ЕАФТА, 2009].

Одновременно с работой АСЕАН+3 Япония выступила с предложением создать Всеобъемлющее экономическое партнерство в Восточной Азии (СЕРЕА) в ходе встречи министров экономики АСЕАН+6 в 2006 г., представляющее собой ССТ между странами АСЕАН+6. Эти 16 стран в 2005 г. также сформировали объединение Восточноазиатский саммит. Предложение Японии о создании СЕРЕА было обусловлено ее стремлением играть роль лидера в создании регионального института, поскольку Китай взял на себя инициативу в переговорах по ЕАФТА. Конкуренция между Китаем и Японией за лидерство в процессе формирования регионального ССТ ускорила процесс региональной экономической интеграции в Восточной Азии. Стремление Китая создать ССТ в регионе было сильнее, чем у других стран, поскольку США стремились повысить свое влияние на экономическое сотрудничество в регионе АТР посредством создания ТТП. В этих условиях в 2011 г. АСЕАН предложил создать ВРЭП, объединяющее стран – членов АСЕАН и стран – партнеров по ССТ, поскольку страны объединения не хотели, чтобы АСЕАН потерял роль лидера в процессе региональной интеграции в Восточной Азии. Кроме того, страны АСЕАН обнародовали руководящие принципы переговоров по ВРЭП, включающие соответствие правилам и нормам ВТО, открытость и возможность присоединения к переговорам партнеров АСЕАН по ССТ и других стран. В результате в 2012 г. лидеры стран – членов АСЕАН+6 пришли к консенсусу по переговорам по ВРЭП, которые были начаты в следующем году. Ожидалось, что формирование ВРЭП завершится к концу 2015 г., однако этого не произошло [ASEAN Secretariat, 2012; Urata, 2013].

Фактически ВРЭП представляет собой конкурента ТТП в процессе региональной экономической интеграции в Восточной Азии. В 2014 г. население стран ВРЭП насчитывало более 3,4 млрд человек, объем производства составлял около 21 трлн долл. США, на регион приходилось около 35% мировой торговли. Несомненно, в случае успешного завершения формирования ВРЭП станет крупнейшим торговым блоком в мире. Объединение может оказать значительное влияние на глобальную экономику в силу распространения глобальных производственных цепочек, а также устранения противоречий от пересечения ССТ в Азии [IMF, 2014; Suh, 2014] (рис. 8).

Для успешного завершения переговоров ВРЭП требуется уверенное лидерство. Причем лидерство должно опираться на центральную роль АСЕАН как беспристрастного актора, в отличие от отдельных стран, продвигающих свои национальные интересы. Кроме того, из-за соперничества в регионе Китай и Япония не доверяют друг другу. Фактически ВРЭП является инструментом повышения влияния Китая в регионе. Страны – члены АСЕАН, Республика Корея и Япония обеспокоены тем, что Китай в конечном счете будет доминировать в Восточной Азии за счет Восточноазиатского

экономического сообщества. В этой связи ряд стран, как, например, Япония, Мьянма, Республика Филиппины и Вьетнам, стремятся обеспечить баланс сил в регионе между КНР и США для сдерживания распространения влияния Китая. Таким образом, ВРЭП, опирающееся на центральную роль АСЕАН, может стать инструментом сдерживания распространения влияния Китая и сохранения баланса сил в регионе [Suh, 2014].

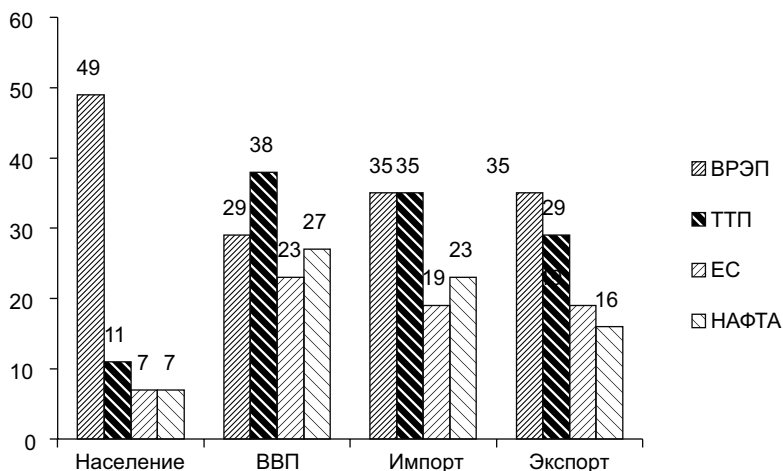

Рис. 8. Доля стран – членов ВРЭП в глобальном населении, ВВП и торговле, 2014 г., %

Источник: IMF, World Economic Outlook Database, 2014, WTO, World Trade Statistics, 2014.

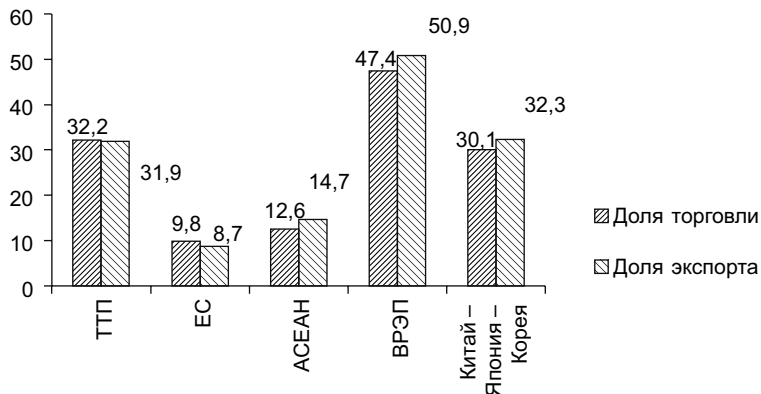

Рис. 9. Доля торговли и экспорта Республики Корея в различных экономических блоках, 2014, %

Источник: Korea International Trade Association (KITA), Trade Statistics, 2015.

Трехстороннее ССТ может ускорить процесс успешного завершения переговоров по ВРЭП. Республика Корея может сыграть важную роль в стимулировании заключения данного ССТ, образцом для которого может стать ССТ между Кореей и Китаем. В 2015 г. Япония присоединилась к ТПП, согласившись открыть свой сельскохозяйственный сектор. В этой связи Япония обладает большим потенциалом в переговорах по трехстороннему ССТ, чем раньше, в том случае если будут разрешены политические вопросы и вопросы безопасности.

Для Республики Корея присоединение к ВРЭП де-факто означает заключение ССТ с Японией, поскольку все три страны принимают участие в данных переговорах. С точки зрения торговли и экспорта трехстороннее ССТ имеет такую же значимость, как и ТТП. В этой связи Республика Корея может стать посредником в процессе стимулирования завершения переговоров по трехстороннему ССТ для развития экономического сотрудничества в Северо-Восточной Азии и ВРЭП для более широкой экономической интеграции в регионе (рис. 9).

Соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП)

Транстихоокеанское партнерство представляет собой новый глобальный стандарт международной торговли. Соглашение о ТТП состоит из 29 глав, Соглашение подписали 13 стран. До момента заключения Соглашения о ТТП в 2015 г. ни одно ССТ, равно как и переговоры в рамках ВТО, не охватывало такие сферы, как согласованность регулирования, конкурентоспособность цепочек поставок, малые и средние предприятия (МСП). Именно поэтому ТПП рассматривается как региональное ССТ XXI в.

В действительности ТТП представляет собой механизм для изоляции Китая в Восточной Азии. То есть в случае присоединения Кореи к ТТП произойдет серьезное нарушение баланса между двумя данными конкурирующими мегаССТ. ТТП представляет собой «золотой стандарт» ССТ и в ближайшей перспективе Китаю будет сложно присоединиться к нему. Хотя ТТП не направлено на то, чтобы полностью изолировать Китай в регионе Восточной Азии, в настоящее время Китай не может принять положения ТТП. КНР неизбежно будет вынужден изменять свою политику для поддержания темпов экономического роста и обеспечения социальной стабильности. Однако руководство Китая осознает, что быстрые рыночные реформы не являются подходящей мерой, поэтому Китай не может принимать участие в переговорах о ТТП, по крайней мере в ближайшем будущем [Suh, 2014].

Участие Японии в переговорах о ТТП должно вызывать озабоченность у Китая, поскольку присоединение Японии к переговорному процессу означает, что США удалось предпринять еще один шаг для изоляции Китая в регионе. В этих условиях участие Кореи в ТТП может быть нежелательным для Китая. Присоединение Кореи к ТТП также может создать серьезный дисбаланс между ТТП и ВРЭП. Присоединение Кореи к ТТП может привести к снижению конкурентоспособности Китая. В целом присоединение может оказаться дестабилизирующим фактором в регионе (табл. 3).

Таблица 3. Сравнение показателей ВВП и торговли между ТТП и ВРЭП, млрд долл. США, %

	ТТП11	ТТП12	ТТП13	ВРЭП
ВВП	22 824	27 831	29 029	20 983
	31,1	37,9	39,5	28,6
Торговля	7 858	9 543	10 610	13 160
	21,2	25,8	28,7	35,5

Источник: IMF, World Economic Outlook, 2014, WTO, World Trade Statistics, 2014.

Примечание. ТТП11: не включена Япония; ТТП12: ТТП + Япония, ТТП13: ТТП12 + Республика Корея.

Китай является наиболее важным торговым партнером Кореи. Экспорт Кореи в Китай составляет четверть от общего объема экспорта страны. Объем двусторонней торговли между странами в 2013 г. составлял 229 млрд долл. США, а торговое сальдо Кореи – 62,8 млрд долл. США. В 2014 г. наблюдалось увеличение этих показателей: до 235,4 и 75,6 млрд долл. США соответственно. Кроме того, с политической точки зрения Китай обладает значительным влиянием на Северную Корею, взаимоотношения с которой находятся в русле национальной безопасности Республики Корея [КИТА, 2015; Suh, 2014].

Таким образом, Корея, будучи игроком «средней руки» в регионе, должна сохранять баланс своих позиций не только в процессе региональной экономической интеграции, но также для обеспечения политической стабильности. Представляется целесообразной подготовка Кореи к присоединению к переговорам по ТТП. Корея уже выразила заинтересованность в участии в данных переговорах, еще до их завершения в 2015 г., однако встретила противодействие со стороны США. Участие Кореи в переговорах по ТТП может затронуть национальные интересы Китая, противовесом чему может служить двустороннее ССТ между Кореей и Китаем, а также активное участие Кореи в ВРЭП.

Присоединение Республики Корея к ТТП может привести к значительным затратам. ТТП оценивается как соглашение, не предполагающее большую финансовую и административную нагрузку, однако во внимание не принимается доступ товаров на рынок. В процессе двусторонних консультаций с партнерами по ТТП Корея может осуществить либерализацию чувствительных групп товаров, таких как рис и автомобили. США могут настаивать на полной либерализации корейского рынка риса, в то время как Япония может потребовать незамедлительного отказа от тарифов на товары своей автомобилестроительной отрасли. Членство Кореи в ТТП де-факто означает двустороннее ССТ с Японией. Вследствие этого многие корейские компании производственного сектора обеспокоены потенциальной высокой конкуренцией между их собственными и японскими товарами. Именно из-за наличия барьеров во взаимной торговле между странами в 2000 г. наблюдается отрицательное сальдо. В период с 2000 по 2010 г. объем отрицательного сальдо торгового баланса Кореи в отношении Японии увеличился с 11,4 до 36,1 млрд долл. США. С этого года наблюдается его постепенное снижение: до 25,3 млрд долл. в 2013 г. и до 21,6 млрд долл. в 2014 г.

Подводя итог, следует отметить, что членство Республики Корея в ТТП может иметь ряд различных экономических выгод, таких как расширение возможностей диктовать свои условия в процессе продолжающихся переговоров с Китаем и Японией в отношении нетарифных барьеров, устранение негативного эффекта накладывающихся друг на друга соглашений, консолидация альянса с США и т.д. Однако ТТП обладает ограниченным потенциалом в отношении ускорения процессов экономической интеграции в Северо-Восточной Азии, поскольку Китай не сможет участвовать в переговорах по ТТП в ближайшем будущем. Япония также использует ТТП в качестве обеспечения противовеса Китая, что снижает стремление Китая и Кореи активно участвовать в переговорах по трехстороннему ССТ [Suh, 2014; Yoshimatsu, 2014].

Заключение

Формирование единого европейского рынка в 1993 г. стало историческим событием. В действительности этому предшествовал долгий исторический процесс с момента подписания Римского договора в 1957 г., который включал процесс формирования согла-

шения о свободной торговле, таможенного союза, единого рынка и экономического союза. Двадцать лет спустя после создания единого европейского рынка его оценки в значительной мере варьируются, хотя, несомненно, единый рынок привел к значительным трансформациям ЕС с точки зрения политики, экономики, культуры, общества, безопасности и т.д. Единый рынок способствовал повышению темпов экономического роста на пространстве ЕС в среднем на 2,0–2,5% за последние два десятилетия. Несмотря на вклад в повышение темпов экономического роста, кризис евро, обусловленный кризисом суверенного долга, вызвал обеспокоенность в отношении глобального экономического спада и ожесточенные споры в отношении будущего ЕС. Кроме того, ЕС, представляющий собой наиболее продвинутую модель региональной экономической интеграции, стал восприниматься с осторожностью, прежде всего в странах Восточной Азии, стремящихся построить собственную систему экономической интеграции.

Большинство стран Восточной Азии заключили двусторонние или многосторонние ССТ начиная с 1990-х годов, за исключением АСЕАН, которая оформилась ранее. АСЕАН сформировал механизмы экономической интеграции с ключевыми странами Восточной Азии – Республикой Корея, Китаем, Японией и Индией – за счет формирования АСЕАН+1, АСЕАН+3 и АСЕАН+6. Участвуя в процессах экономической интеграции в Восточной Азии, три ведущие экономики региона осознали необходимость формирования своих собственных интеграционных процессов, таких как, например, Северо-восточное азиатское экономическое сообщество. После нескольких лет изучения перспектив соглашения в 2013 г. были начаты переговоры о трехстороннем ССТ. Однако существует много препятствий из-за наличия разного рода конфликтов между странами-участницами и различиями национальных экономических интересов. В результате переговорный процесс сильно замедлился.

Параллельно с переговорами о трехстороннем ССТ мегаССТ, такие как ВРЭП и ТТП, стали одним из приоритетных вопросов повестки дня в Азиатско-Тихоокеанском регионе, поскольку они направлены не только на региональную экономическую интеграцию, но также на политическое сотрудничество и сотрудничество в сфере безопасности. Процесс формирования ВРЭП – инициативы АСЕАН, а де-факто – КНР, должен был завершиться в 2015 г. Однако этого не произошло, и срок был продлен до конца 2017 г. После завершения формирования ВРЭП станет одним из самых крупных ССТ в мире, представляя 29% мирового ВВП. Для экономики Республики Корея ВРЭП станет наиболее важным торговым блоком в силу установления тесных торговых отношений между странами-членами. С экономической точки зрения ВРЭП крайне важен для Кореи.

Переговоры о ТТП были завершены в 2015 г., однако Корея не смогла присоединиться к ним. Тем не менее страна намерена начать переговоры о присоединении к ТПП наряду с Китайским Тайбэем. Переговоры по ТТП более чувствительны для Республики Корея, поскольку ТТП охватывает не только вопросы региональной экономической интеграции, но также вопросы политического сотрудничества и сотрудничества в области безопасности. Кроме того, членство в ТТП для республики Корея де-факто означает заключение двустороннего ССТ с Японией. В этой связи Республика Корея должна быть крайне осторожна в своем подходе к переговорам. Ряд исследователей полагают, что выбор подхода может стать стратегической дилеммой для Кореи [Kim, Cha, 2016]. Однако, с другой стороны, ТПП может открыть дополнительные возможности для Кореи в силу наличия заключенного ССТ с Китаем в 2015 г., а также может привести де-факто к ССТ с Мексикой, которая уже присоединилась к ТТП. В результате Республика Корея может «убить двух зайцев одним выстрелом», если

ей удастся преодолеть давление в отношении либерализации рынка риса со стороны США и немедленного отказа от тарифов со стороны Японии.

Литература

- ASEAN Secretariat (ASEAN) (2012) Guiding Principles and Objectives for Negotiating the Regional Comprehensive Economic Partnership. Режим доступа: <http://www.asean.org/asean/asean-summit/item/asean-framework-forregionalcomprehensive-economic-partnership> (дата обращения: 07.04.2017).
- Asian Development Bank (ADB) (2014) Asian Economic Integration Report 2014. Manila: ADB.
- Basu Das S. (2013) RCEP and TPP: Comparisons and Concerns // ISEAS Perspective. No. 2. 17 August.
- Chiang M.-H. (2013) The Potential of China-Japan-South Korea Free Trade Agreement // East Asia: An International Quarterly. Vol. 30. No. 3. P. 199–216.
- China National Bureau Statistics (2016) National Data, Annual National Accounts, Cross Domestic Product. Beijing: CNBS.
- Choi Y.-M. (2013) The Optimal Path of a China – Japan – Korea FTA: Multilateral Path or Sequential Path? // Pacific Focus. Vol. 28. No. 3. P. 435–458.
- Copenhagen Economics (2012) *Delivering a Stronger Single Market*. Nordic Innovation Report 2012. P. 12.
- Corning G.P. (2014) CJK Investment Agreements in East Asia: Building a Bifurcated Investment Regime // Asian Politics & Policy. Vol. 6. No. 2. P. 285–306.
- Dent C.-M. (2003) Networking the Region? The Emergence and Impact of Asia Pacific Bilateral Free Trade Agreement Projects // The Pacific Review. Vol. 16. No. 1. P. 1–28.
- Dicken P. (2015) *Global Shift*, 7th ed. London: The Guildford Press.
- EAFTA (2009) Desirable and Feasible Option for an East Asia FTA. A Report by Joint Expert Group on EAFTA Phase II Study.
- European Commission (2012a) 20 Years of European Single Market – Together for New Growth. Luxembourg: EC.
- European Commission (2012b) Council Regulation, 2012/0242 (CNS). Brussels: EC.
- Godement F. (2013) Divided Asia: The Implications for Europe, European Council Foreign Relations (ECFR)/91, November.
- Hiebert M., Hanlon L. (2013) ASEAN and Partner: Regional Comprehensive Economic Partnership // Critical Question, CSIS, 7 December.
- Hong G.-H., Oh S.-H. (2013) Gains from Trade Liberalization between Heterogeneous Countries: Implications for Korea-Japan FTA. Working Paper 13-09. Seoul: KIEP.
- Ilzkovitz F., Dierr A., Kovacs V., Sousa N. (2007) Steps towards a Deeper Economic Integration: the Internal Market in the 21st Century. A Contribution to the Single Market Review // European Economy. No. 271 (January). Brussels: European Commission.
- International Monetary Fund (2014) World Economic Outlook Database, October. Washington D. C.
- International Monetary Fund (IMF) (2015) Direction of Trade Statistics. Washington D. C.
- Jin H.-J., Koo W.-W., Sul B.-S. (2006) The Effects of the Free Trade Agreement among China, Japan and South Korea // Journal of Economic Development. Vol. 31. No. 2. P. 55–72.
- Katzenstein P. (1997) Introduction: Asian Regionalism in Comparative Perspective // Network Power: Japan and Asia / Katzenstein P., Shiraishi T. (eds). Ithaca: Cornell University Press.
- Katzenstein P. (2005) *A World of Regions: Asia and Europe in the American Imperium*. Ithaca: Cornell University Press.
- Kim E., Cha V. (2016) Between a Rock and Hard Place: South Korea's Strategic Dilemmas with China and the United States // Asia Policy. No. 21 (January). P. 101–121.

- Kimura F., Ando M. (2008) Economic Obstacles to a Northeast Asian FTA // *Political Economy of Northeast Asian Regionalism: Political Conflict and Economic Integration* / J. Park, T.J. Pempel, G. Roland (eds). Cheltenham and Northampton: Edward Elgar.
- Kirton J. (2013) *G20 Governance for a Globalized World*. Farnham: Ashgate.
- Korea International Trade Association (KITA) (2014) *Investment in China in the First Half of This Year, Inversion of Korea and Japan in 7 Years*, 28 August.
- Korea International Trade Association (KITA) (2015) *Trade Statistics*. Режим доступа: www.kita.net (дата обращения: 07.04.2017).
- Kox H. (2005) *Intra EU Differences in Regulation caused Administrative Burden for Companies*. CPB Memorandum. The Hague: CPB.
- Lee C.-J. (2015) A Northeast Asian Economic Community: A Korean Perspective // *Building a Northeast Asian Economic Community* / L.-J. Cho, C.-J. Lee (eds). Sejong City: KISTEP. P. 25–38.
- Looney R. (2014) *Handbook of Emerging Economies*. New York: Routledge.
- Madhur S. (2013) *China-Japan-Korea FTA: A Dual Track Approach to a Trilateral Agreement* // *Journal of Economic Integration*. Vol. 28. No. 3. P. 375–392.
- Mayer T., Ottaviano G. (2007) *The Happy Few: The Internationalization of European Firms*. Bruegel-CEPR EFIM 2007 Report. Bruegel Blueprint Series and CEPR.
- Pelkmans J. (2012) *The Economics of Single Market Regulation*. Bruges European Economic Policy Briefings, 25/2012.
- Pempel T.J. (2010) *Soft Balancing, Hedging, and Institutional Darwinism: The Economic Security Nexus and East Asian Regionalism* // *Journal of East Asian Studies*. Vol. 10. P. 209–238.
- Pempel T.J. (2013) *Regional Institutions and the Economy-Security Nexus* // *The Economy Security Nexus in Northeast Asia* / T.J. Pempel (ed.). P. 146–163. L.: Routledge.
- Schott J.J., Cimino-Isaacs C. (2015) *The China-Japan-Korea Trilateral Investment Agreement: Implications for US Policy and US-China Bilateral Investment Treaty* // *Towards US-China Investment Treaty*, PIIE Briefing 15-1.
- Schott J.J., Jung E.J., Cimino-Isaacs C. (2015) *An Assessment of Korea-China Free Trade Agreement*. Policy Brief, PB15-24. Washington D.C.: Peterson Institute for International Economics.
- Song S. (2013) *China, Japan and South Korea begin FTA Talks* // *Global Times*. 27 March.
- Straathof B., Linders G.J., Lejour A., Mohlmann J. (2008) *The Internal Market and the Dutch Economy: Implications for Trade and Economic Growth*. CPB Netherlands Bureau for Economic Policy Analysis. Amsterdam: CPB Netherlands Bureau.
- Suh J.K. (2014) *Korean Bridge: Balancing Asian Economic Regionalism between the United States and China* // *Joint US-Korea Academic Studies* / G. Rozman (ed.). Washington D. C.: Korea Economic Institute of America. Vol. 25. P. 188–199.
- Szczudlik-Tatar J. (2013) *China's New Silk Road Diplomacy* // *The Polish Institute of International Affairs Policy Paper*. Vol. 34. No. 82. P. 1–8.
- Urata S. (2013) *Constructing and Multilateralizing the Regional Comprehensive Economic Partnership: An Asian Perspective*. ADBI Working Paper Series. No. 449. Tokyo: ADBI.
- Vetter S. (2013) *The Single European Market 20 years on* // *EU Monitor*, October, Deutsche Bank Research. Режим доступа: http://www.dbresearch.com/PROD/DBR_INTERNET_EN-PROD/PROD0000000000322897.pdf (дата обращения: 07.04.2017).
- World Trade Organization (WTO) (2016) *Trade Statistics and Outlook*, Press 768, 7 April. Режим доступа: https://www.wto.org/english/news_e/pres16_e/pr768_e.pdf (дата обращения: 07.04.2017).
- Yoshimatsu H. (2014) *Trade Politics in Northeast Asia: The Development of the Trilateral Free Trade Agreement*. RCAPS working Paper, RWP-14001.
- Zhao S. (1998) *Soft Versus Structural Regionalism: Organizational Forms of Cooperation in Asia Pacific* // *The Journal of East Asian Affairs*. Vol. 12. No. 1. P. 96–134.

Can Trade Help Overcome Economic Crisis? Implications for Northeast Asia Creating Regional FTA between Korea, China, and Japan and Mega FTAs such as RCEP and TPP¹

S.-C. Park

Sang-Chul Park – Doctor, Professor at Graduate School of Knowledge Based Technology and Energy, Korea Polytechnic University; 2121, Jeongwang-Dong, Siheung-City, Gyeonggi-Do, 429-793, Korea; E-mail: scpark@kpu.ac.kr

Abstract

Globalization processes have formed a triad of economic and trade systems in terms of GDP and trade volume. These are the European Union (EU), North America Free Trade Association (NAFTA), and Northeast Asia, the major actors in the global economic system and trade since 1990s. However, the global financial crisis in 2008 created a new global economic order and governance that consisted of existing global economic power such as the G7 as well as new emerging economic powers, such as G20 and BRICS. Under such rapidly changing global economic conditions, global trade has contributed to rapid economic growth in the world in the last half-century. Regarding FTAs, the European Union (EU) is the frontrunner and has developed the most advanced system for regional economic integration. The EU's single market provides several implications for Northeast Asian countries trying to build their own regional bilateral and multilateral FTAs and participate in different mega-FTAs such as RCEP and TPP. As a result, their economic interests are rather divided deeply and related to political and security issues in the context of Northeast Asia. Therefore, it is more difficult for Northeast Asian countries to economically integrate in a way that is comparable with the EU. This paper addresses a regional FTA between South Korea, China, and Japan that could be a starting point for their formal economic integration and create a reliable platform to strengthen their trade, boosting further economic growth. It also asks which of the three nations' economic interests are served by participating in mega FTAs such as RCEP and TPP. Finally, it analyses the best scenario for participating in the multilateral FTA and mega FTAs for each nation.

Key words: single market; regional economic integration; FTA; mega FTA; economic growth; FTA strategy

For citation: Park S.-C. (2017) Can Trade Help Overcome Economic Crisis? Implications for Northeast Asia Creating Regional FTA between Korea, China, and Japan and Mega FTAs such as RCEP and TPP. *International Organisations Research Journal*, vol. 12, no 2, pp. 104–128 (in Russian and English). DOI: 10.17323/1996-7845-2017-02-104

References

- ASEAN Secretariat (ASEAN) (2012) *Guiding Principles and Objectives for Negotiating the Regional Comprehensive Economic Partnership*. Available at: <http://www.asean.org/asean/asean-summit/item/asean-framework-forregionalcomprehensive-economic-partnership> (accessed 07 April 2017).
- Asian Development Bank (ADB) (2014) *Asian Economic Integration Report 2014*. Manila: ADB.
- Basu Das S. (2013) RCEP and TPP: Comparisons and Concerns. *ISEAS Perspective*, no 2, 17 August.
- Chiang M.-H. (2013) The Potential of China-Japan-South Korea Free Trade Agreement. *East Asia: An International Quarterly*, vol. 30, no 3, pp. 199–216.
- China National Bureau Statistics (2016) National Data, Annual National Accounts, Cross Domestic Product. Beijing: CNBS.

¹ The editorial board received the article in November 2016.

- Choi Y.-M. (2013) The Optimal Path of a China – Japan – Korea FTA: Multilateral Path or Sequential Path? *Pacific Focus*, vol. 28, no 3, pp. 435–458.
- Copenhagen Economics (2012) *Delivering a Stronger Single Market*. Nordic Innovation Report 2012, p. 12.
- Corning G.P. (2014) CJK Investment Agreements in East Asia: Building a Bifurcated Investment Regime. *Asian Politics & Policy*, vol. 6, no 2, pp. 285–306.
- Dent C.-M. (2003) Networking the Region? The Emergence and Impact of Asia Pacific Bilateral Free Trade Agreement Projects. *The Pacific Review*, vol. 16, no 1, pp. 1–28.
- Dicken P. (2015) *Global Shift. Mapping the Changing Contours of the World Economy*. 7th ed. London: The Guildford Press.
- EAFTA (2009) *Desirable and Feasible Option for an East Asia FTA*. A Report by Joint Expert Group on EAFTA Phase II Study.
- European Commission (2012a) *20 Years of European Single Market – Together for New Growth*. Luxembourg: EC.
- European Commission (2012b) *Council Regulation, 2012/0242 (CNS)*. Brussels: EC.
- Godement F. (2013) *Divided Asia: The Implications for Europe*. European Council Foreign Relations (ECFR)/91, November.
- Hiebert M., Hanlon L. (2013) ASEAN and Partner: Regional Comprehensive Economic Partnership. *Critical Question*, CSIS, 7 December.
- Hong G.-H., Oh S.-H. (2013) Gains from Trade Liberalization between Heterogeneous Countries: Implications for Korea–Japan FTA. *Working Paper 13-09*. Seoul: KIEP.
- Ilzkovitz F., Dierr A., Kovacs V., Sousa N. (2007) *Steps towards a Deeper Economic Integration: the Internal Market in the 21st Century. A Contribution to the Single Market Review*. European Economy, no 271, January. Brussels: European Commission.
- International Monetary Fund (2014) *World Economic Outlook Database*, October. Washington D. C.
- International Monetary Fund (IMF) (2015) *Direction of Trade Statistics*. Washington D. C.
- Jin H.-J., Koo W.-W., Sul B.-S. (2006) The Effects of the Free Trade Agreement among China, Japan and South Korea. *Journal of Economic Development*, vol. 31, no 2, pp. 55–72.
- Katzenstein P. (1997) Introduction: Asian Regionalism in Comparative Perspective. *Network Power: Japan and Asia* (P. Katzenstein, T. Shiraishi (eds)). Ithaca: Cornell University Press.
- Katzenstein P. (2005) *A World of Regions: Asia and Europe in the American Imperium*. Ithaca: Cornell University Press.
- Kim E., Cha V. (2016) Between a Rock and Hard Place: South Korea’s Strategic Dilemmas with China and the United States. *Asia Policy*, no 21, January, pp. 101–121.
- Kimura F., Ando M. (2008) Economic Obstacles to a Northeast Asian FTA. *Political Economy of Northeast Asian Regionalism: Political Conflict and Economic Integration* (J. Park, T.J. Pempel, G. Roland (eds)). Cheltenham and Northampton: Edward Elgar.
- Kirton J. (2013) *G20 Governance for a Globalized World*. Farnham: Ashgate.
- KITA (2015) *Trade Statistics*. Available at: www.kita.net (accessed 07 April 2017).
- Korea International Trade Association (KITA) (2014) *Investment in China in the First Half of This Year, Inversion of Korea and Japan in 7 Years*, 28 August.
- Kox H. (2005) *Intra EU Differences in Regulation caused Administrative Burden for Companies*. CPB Memorandum. The Hague: CPB.
- Lee C.-J. (2015) A Northeast Asian Economic Community: A Korean Perspective. *Building a Northeast Asian Economic Community* (L.-J. Cho, C.-J. Lee (eds), pp. 25–38. Sejong City: KISTEP.
- Looney R. (2014) *Handbook of Emerging Economies*. New York: Routledge.

- Madhur S. (2013) China-Japan-Korea FTA: A Dual Track Approach to a Trilateral Agreement. *Journal of Economic Integration*, vol. 28, no 3, pp. 375–392.
- Mayer T., Ottaviano G. (2007) *The Happy Few: The Internationalization of European Firms*. Bruegel-CEPR EFIM 2007 Report. Bruegel Blueprint Series and CEPR.
- Pelkmans J. (2012) *The Economics of Single Market Regulation*. Bruges European Economic Policy Briefings, 25/2012.
- Pempel T.J. (2010) Soft Balancing, Hedging, and Institutional Darwinism: The Economic Security Nexus and East Asian Regionalism. *Journal of East Asian Studies*, vol. 10, pp. 209–238.
- Pempel T.J. (2013) Regional Institutions and the Economy-Security Nexus. *The Economy Security Nexus in Northeast Asia* (T.J. Pempel (ed.)), pp. 146–163. London: Routledge.
- Schott J.J., Cimino-Isaacs C. (2015) The China-Japan-Korea Trilateral Investment Agreement: Implications for US Policy and US-China Bilateral Investment Treaty. *Towards US-China Investment Treaty, PIIE Briefing 15-1*.
- Schott J.J., Jung E.J., Cimino-Isaacs C. (2015) *An Assessment of Korea-China Free Trade Agreement*. Policy Brief, PB15-24. Washington D. C.: Peterson Institute for International Economics.
- Song S. (2013) China, Japan and South Korea begin FTA Talks. *Global Times*, 27 March.
- Straathof B., Linders G.J., Lejour A., Mohlmann J. (2008) *The Internal Market and the Dutch Economy: Implications for Trade and Economic Growth*. CPB Netherlands Bureau for Economic Policy Analysis. Amsterdam: CPB Netherlands Bureau.
- Suh J.K. (2014) Korean Bridge: Balancing Asian Economic Regionalism between the United States and China. *Joint US-Korea Academic Studies* (G. Rozman (ed.)), vol. 25, pp. 188–199. Washington D. C.: Korea Economic Institute of America.
- Szczudlik-Tatar J. (2013) *China's New Silk Road Diplomacy*. The Polish Institute of International Affairs Policy Paper, vol. 34, no 82, pp. 1–8.
- Urata S. (2013) Constructing and Multilateralizing the Regional Comprehensive Economic Partnership: An Asian Perspective. *ADB Working Paper Series*, no 449. Tokyo: ADBI.
- Vetter S. (2013) The Single European Market 20 years on. *EU Monitor*, October, Deutsche Bank Research. Available at: http://www.dbresearch.com/PROD/DBR_INTERNET_EN-PROD/PROD000000000322897.pdf (accessed 07 April 2017).
- World Trade Organization (WTO) (2016) *Trade Statistics and Outlook*, Press 768, 7 April. Available at: https://www.wto.org/english/news_e/pres16_e/pr768_e.pdf (accessed 07 April 2017).
- Yoshimatsu H. (2014) *Trade Politics in Northeast Asia: The Development of the Trilateral Free Trade Agreement*. RCAPS working Paper, RWP-14001.
- Zhao S. (1998) Soft Versus Structural Regionalism: Organizational Forms of Cooperation in Asia Pacific. *The Journal of East Asian Affairs*, vol. 12, no 1, pp. 96–134.